

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В самодийскую языковую группу входят четыре языка: ненецкий (юрако-самоедский), энецкий (енисейско-самоедский), нганасанский (тавгийско-самоедский), селькупский (остяко-самоедский)¹. До XIX в. сюда относились еще языки племен, обитавших по северным склонам Саянского нагорья: камасинцев, маторов, койбалов, котовцев, тайги, карагасов, утративших впоследствии свою языковую самобытность под влиянием тюркоязычных соседей. О былой принадлежности языков этих племен к самодийской группе позволяют судить словарные записи, сделанные в XVIII и в начале XIX в. Ф. И. Страленбергом, П. С. Палласом, Г. Ю. Клапротом. В наши дни А. К. Матвеевым и А. Кюннапом в сел. Абалаково на Саянах были собраны материалы от двух старых женщин, в известной мере помнивших язык своих предков.

Наиболее крупной из самодийских народностей являются ненцы (29 000), при этом свыше 83% считают ненецкий родным языком. Самая малочисленная самодийская народность — энцы (около 400 человек), подавляющая часть которых продолжает пользоваться в быту родным — энецким языком.

Современные самодийские народности расселены на обширной территории Крайнего Севера СССР: от восточного побережья Белого моря на западе до нижнего течения р. Енисея на востоке. Северной границей их расселения является побережье Северного Ледовитого океана с прилегающими островами, а южной — таежная зона. Большая часть занимаемой самодийцами территории входит в состав трех национальных округов: Ненецкого национального округа Архангельской области, Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области, Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа Красноярского края. Ненцы расселены в пределах всех трех указанных округов, нганасаны и энцы — только в северных районах Таймырского округа. Наиболее компактная группа тазовских селькупов проживает в Тазовском и Красноселькупском районах Ямало-Ненецкого национального округа. Другие группы этой народности обитают в Красноярском крае и в Томской области.

Соседями самодийцев являются многие народы. В западных и южных районах Ненецкого национального округа, в южной части Ямальского полуострова ненцы живут в соседстве с коми-зырянками. В южных районах Ненецкого национального округа ненцы («колвинцы») подверглись сильному влиянию со стороны своих соседей в хозяйственном и в куль-

¹ В скобках даются дореволюционные названия самодийских языков, которые фигурируют еще и сейчас в работах ряда зарубежных ученых.

турном отношении. Родным языком их стал коми язык. В более северных районах, в особенности на Ямале, где основным занятием населения является оленеводство, напротив, коми восприняли ненецкие методы и способы ведения оленеводческого хозяйства, частично ненецкий язык.

Проживающие в таежной области в пределах Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области группы ненцев тесно соприкасаются с ханты, что нашло отражение в ненецком языке, в первую очередь в его фонемном составе. Наоборот, в северных частях Ямала с преобладающим ненецким населением живущие здесь ханты оказались полностью ассимилированными ненцами.

Сильное влияние ненецкая материальная культура и ненецкий язык на Таймыре оказали на энцев, преимущественно из племени бай. Большая часть этой малочисленной народности во время Всесоюзной переписи населения даже причислила себя к ненцам. Значительно меньшее влияние со стороны ненцев испытали нганасаны.

Тесными являются исторические взаимоотношения селькупов с кетами. Представляют несомненный интерес и селькупско-хантыйские языковые связи. На Таймырском полуострове самодийские народности живут в соседстве с эвенками и долганами. Во всех местах расселения они интенсивно контактируют с русскими.

По сравнению с языками ряда других народностей Крайнего Севера самодийские языки являются менее диалектно раздробленными, хотя в каждом из них существуют различные диалектные разновидности. Так, в ненецком языке выделяются два значительно различающихся между собой наречия: наречие тундровых ненцев и наречие лесных (или таежных) ненцев. На тундровом наречии говорит значительная часть ненецкого населения (около 27 000 человек), носителей лесного наречия насчитывается немногим более 2000 человек. Каждое наречие распадается на ряд говоров. Несмотря на обширную территорию, занимаемую тундровыми ненцами, их язык довольно единообразен: даже носители окраинных говоров без большого труда понимают друг друга (например, ненец с полуострова Канина свободно общается на родном языке с ненцем Таймырского полуострова). В известной мере это можно объяснить кочевым образом жизни, который ненцы ведут в своей массе и в настоящее время, благодаря чему между ними сохраняются постоянные контакты. Иное положение наблюдается в отношении лесного наречия: в силу разобщенности отдельных групп этих ненцев свободное понимание между ними затруднено.

Селькупский язык распадается на две больших группы: группу тазовских говоров и группу нарымских говоров, различия между которыми весьма существенны. Внутри каждой из групп заключается ряд говорных подразделений.

Язык энцев слагается из двух значительно различающихся между собой наречий: бай и маду. При этом наречие бай очень близко языку ненцев, а наречие маду во многих отношениях сближается с языком нганасанов. Исключение из самодийских языков составляет нганасанский, различные представители которого — авамские и хатангские (или вадеевские) нганасаны — в настоящее время говорят на одном языке².

По утвердившемуся в науке после работ М. А. Кастрена и в особенности Э. Н. Сетеля³ мнению, самодийские языки входят в группу уральских языков, куда помимо них относятся финно-угорские и юкагирский

² См., например: Б. О. Долгих, Образование современных народностей Севера СССР, «Советская этнография», 1967, 3, стр. 10.

³ E. N. Setälä, Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen, Helsinki, 1915.

языки. Высказывались различные точки зрения по вопросу о том, к каким финно-угорским языкам наиболее близки самодийские. Например, по мнению Д. В. Бубриха⁴, наибольшая близость прослеживается между самодийскими языками, с одной стороны, и саамским, с другой. М. Н. Коляденков подчеркивал сходство по ряду существенных признаков самодийских языков с мордовскими. Имеются материалы, позволяющие говорить о значительной типологической общности самодийских языков с обско-угорскими⁵ и т. д. Вопрос этот, как и целый ряд других, может быть разрешен лишь в процессе дальнейшего исследования. Имеющихся данных для окончательных выводов пока недостаточно.

Из существующих гипотез о происхождении современных самодийских народностей наиболее убедительной представляется, с нашей точки зрения, гипотеза М. А. Кастрена — И. Э. Фишера в редакции Г. Н. Прокофьева⁶. В соответствии с положениями этих ученых, первоначальным местом обитания самодийцев явилось Саянское нагорье. В вынужденном продвижении с Саян на север и северо-запад потомки самодийских племен постепенно разобщались, сталкивались и смешивались с аборигенами занимаемых ими территорий. В результате этого сложного процесса образовались современные ненцы, энцы, нганасаны и селькупы.

История изучения самодийских языков до 1960 г. изложена довольно подробно с приложением соответствующего библиографического указателя⁷. До Великой Отечественной войны единственным центром исследования самодийских языков был Ленинград (Научно-Исследовательская Ассоциация Института народов Севера и Институт языка и мышления АН СССР). Деятельность в этом направлении возглавлялась Г. Н. Прокофьевым. Вместе с этим видным ученым работали и его первые ученики — А. П. Пырерка и Г. Д. Вербов. Вокруг них группировались обучавшиеся в Институте народов Севера ненцы и селькупы. Общими усилиями научных работников при активной помощи со стороны студентов была создана и развивалась письменность на ненецком и селькупском языках, являвшаяся в те годы неотъемлемой частью лингвистического исследования.

Были написаны и изданы первые в советское время грамматики и грамматические очерки всех самодийских языков, велась большая собирательская работа, закладывались основы для создания словарей. Большое внимание уделялось сбору произведений устного народного творчества ненцев и селькупов, выявлению основных диалектных разновидностей этих языков. Не столь интенсивно изучались языки количественно весьма малочисленных нганасанов и энцев, расселенных к тому же в трудно доступных тогда районах Таймырского полуострова.

После Великой Отечественной войны изучение самодийских языков сосредоточилось главным образом в ЛО Института языкознания АН СССР (созданного на основе Института языка и мышления) и на Северном факультете ЛГУ, а после закрытия этого факультета — на Северном отделении ЛГПИ им. Герцена.

⁴ Д. В. Бубрих, К вопросу об отношениях между самодийскими и финно-угорскими языками, ИАН ОЛЯ, 1948, 6. См. также: В. Collinder, Proto-Lappisch and Samoyed, «Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsåla Förhandlingar», Uppsåla, 1952—1954.

⁵ Н. М. Терещенко, К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях, ВЯ, 1959, 2; Я. Н. Попова, О роли экстралингвистического влияния в процессе формирования языка, «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов Всесоюзной конференции», Новосибирск, 1973.

⁶ Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, «Советская этнография», 1940, 3. См. также: Б. О. Долгих, указ. соч.

⁷ И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко, Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков, Л., 1959.

В первые послевоенные годы продолжались в основном исследования языка ненцев как языка наиболее крупной самодийской народности, на котором к тому же была создана и продолжала развиваться письменность. Уточнялся фонемный состав, изучался более детально и углубленно морфологический строй, разрабатывался синтаксис, ранее слабо изученный, более развернуто продолжалась лексикографическая работа, были созданы два русско-ненецких и три ненецко-русских словаря и велся сбор текстовых материалов (как образцов разговорной речи, так и произведений устного народного творчества). Было предпринято дальнейшее исследование языков нганасанов и энцев.

Центр исследовательской работы по селькупскому языку переместился в эти годы в Томск. Благодаря усилиям покойного А. П. Дульзона, кроме селькупского, в Томске начали изучаться также нганасанский и энецкий языки. В результате в круг интересов томских языковедов включены все самодийские языки (кроме ненецкого.) В настоящее время ненецкий и селькупский языки изучаются и в Новосибирске. Работа по изучению языка последних, оставшихся еще в живых, представителей самодийцев нагорья Саян была начата и успешно продолжалась языковедами Свердловска и Тарту. Довольно интенсивно фиксировались топонимические данные в местах расселения самодийских народностей (в первую очередь ненцев и селькупов).

В итоге исследованием самодийских языков в СССР занимается сейчас довольно значительное число научных работников, преподавателей вузов, и работа по этим языкам сосредоточивается в ряде научных учреждений и высших учебных заведений. Работа требует координации исследований, объединенных усилий исследователей по расширению и углублению научного изучения языка во всех его аспектах.

Изучение самодийских языков проводится, кроме того, в Хельсинки под руководством А. Й. Йоки и в Венгрии под руководством П. Хайду (Сегедский университет), а также в ФРГ и в Швеции.

В исследованиях по уральскому языкознанию советские и зарубежные ученые пользуются материалами самодийских языков настолько широко, насколько это позволяют имеющиеся публикации (см. работы Б. А. Серебренникова, В. И. Лыткина, Б. Коллиндера, Б. Викмана, Д. Дечи, П. Хайду, Й. Н.-Шебештьен, В. Штейница и других). Сведения по самодийским языкам, прежде всего ненецкому, в меньшей мере — селькупскому, в отдельных случаях — энецкому широко привлекались для решения ряда общетеоретических вопросов (особенно в трудах акад. И. И. Мещанинова).

Изучение отдельных диалектов, порой значительно отличающихся друг от друга, способствует выявлению структуры языка в целом. Сравнительный подход к исследуемому материалу дает в ряде случаев возможность выявить происхождение отдельных грамматических категорий и фонетических явлений, подготовляя тем самым основу сравнительно-исторических штудий. Результаты наблюдений в этой области опубликованы лишь частично⁸.

Разработка проблем диалектологии является неотложной задачей. Неслучайно первая защищенная кандидатская диссертация по самодийским языкам была посвящена диалектологической теме⁹. По мере развития двуязычия и многоязычия у малых народностей, не имеющих письменной традиции, сфера функционирования их языков все более сужа-

⁸ Н. М. Терещенко, Материалы и исследования по языку ненцев, М.—Л., 1959; е е ж е, К сравнительному изучению самодийских языков, «Советское финно-угроведение» (далее — СФУ), 1965, 2.

⁹ Г. Д. В е р б о в, Диалект лесных ненцев (в печати); работа защищена в 1936 г.

ется, а диалектные различия, естественно, стираются. Через некоторое время собрать эти языковые данные станет уже практически невозможно. Тем самым языковедческая наука понесет невосполнимую утрату. Первоочередным в этом отношении является изучение наречия маду энецкого языка.

Проблемы диалектологии непосредственно связаны с изучением общественных функций самодийских языков. Эти задачи ставятся в появившихся социолингвистических исследованиях¹⁰.

Актуальность задач, связанных с теоретической разработкой проблем грамматики, достаточно хорошо сознается всеми, кто занимается самодийскими языками. В этом отношении в настоящее время делается немало, в том числе по слабо изучавшимся ранее нганасанскому и энецкому языкам и по группе нарымских говоров селькупского языка. Так, написана и готовится к печати монография «Нганасанский язык». В самое последнее время на грамматические темы защищены две кандидатские диссертации: одна по нганасанскому, другая — по селькупскому языку¹¹. Первая из этих работ, посвященная обстоятельному описанию одной из частей речи недостаточно еще изученного нганасанского языка в сопоставлении с данными иносистемных языков и с выходами в диахронию, способствует исследованию прилагательных в теоретическом аспекте. Во второй работе подробно рассматриваются аналитические конструкции селькупского языка типа «деепричастие + вспомогательный глагол», привлекаются соответствующие материалы группы нарымских говоров и тем самым в известной мере восполняется пробел в изучении селькупского глагола. Обе названные работы связаны с большой комплексной проблемой «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», которой по инициативе А. П. Дульзона уже в течение ряда лет занимаются в Томском ГПИ. В конце 1974 г. в Тарту была защищена докторская диссертация, где на основе сравнительно-исторического анализа выявляется происхождение первичных словоизменительных формантов в самодийских языках¹². Свои взгляды на подобное изучение самодийских языков диссертант формулирует так: «Давно миновали времена, когда сравнительно-историческая самоедология являлась подсобной дисциплиной финно-угроведения. Самоедология наших дней — это самостоятельная дисциплина. Но она, конечно, не утратила своих связей с финно-угроведением. Даже наоборот — эти связи все время крепили и крепнут. Финно-угроведение и самоедология являются двумя равноправными компонентами, из которых состоит уралистика»¹³.

Разрабатывается ряд тем, которые предполагается оформить в качестве диссертаций: а) кандидатских: грамматические категории глагола в энецком языке (Ленинград), способы выражения пространственных и временных отношений в ненецком языке (Новосибирск), селькупские имена прилагательные (Томск) и ряд других; б) докторских: монографическое описание селькупского языка с сопоставлением обоих его наречий (Новосибирск), падежная система селькупского языка (Томск).

¹⁰ Н. М. Терещенко, О роли родного и русского языков в культурном развитии малых народностей Севера, «Вопросы развития литературных языков народов СССР», Алма-Ата, 1964; е е же, Развитие самодийских языков в советскую эпоху, Сыктывкар, 1965.

¹¹ Е. П. Болдыт, Образование имен прилагательных в нганасанском языке. АКД, Новосибирск, 1974; Н. М. Воеводина, Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке. АКД, Новосибирск, 1974.

¹² А. Кюннап, Склонение и спряжение в самодийских языках. ДД, Тарту, 1974.

¹³ Там же, стр. 8.

Изыскания в этой области не только способствуют более детальному раскрытию грамматической структуры самодийских языков. При исследовании грамматических проблем нередко поднимаются вопросы, разрешение которых представляет интерес не только для уралоистики, но и для общей теории языкознания, тем самым работа в этом направлении служит общим целям советской языковедческой науки¹⁴.

В изучении самодийских языков участвуют зарубежные ученые¹⁵. В отдельных случаях при этом отмечается различный подход со стороны зарубежных и отечественных исследователей к одним грамматическим категориям. Так, некоторыми зарубежными учеными выдвигается иная модель системы склонения в самодийских языках, чем это принято среди советских специалистов. Например, венгерский языковед И. Н.-Шебештьен отрицает существование в этих языках формы род. падежа (генитива), в связи с чем встает, в частности, вопрос о способах выражения посессивных отношений. По ее мнению, в самодийских, как и в финно-угорском языке, выражение принадлежности достигается простым соположением двух именных основ, из которых первая (слева) обозначает обладателя, а вторая — объект обладания¹⁶.

Между тем, для правильного понимания природы атрибутивных отношений в этих языках важно учитывать противопоставление двух синтаксических конструкций, которые характеризуют различные виды определительных значений: качественное (в широком значении этого слова) определение, с одной стороны, и определение по принадлежности, с другой. В соответствии с присущим всем самодийским языкам правилом для выражения качественного определения служит имя в форме им. (основного) падежа, а для передачи определения по принадлежности — имя в форме род. падежа. Форма род. падежа имеет немаловажное значение в грамматической системе самодийских языков, выступая в качестве производящей основы ряда словоизменительных и словообразовательных форм. Нельзя не учитывать при этом, что современные самодийские языки обладают развитой морфологической структурой, многообразием синтаксических построений и богатством лексики. Поэтому отнесение их к числу «архаичных» вряд ли можно считать вполне обоснованным. Правда, в некоторых отношениях в самодийских языках сохраняются элементы прошлого состояния, но это старое, в ряде случаев отмирающее, выступает наряду с новым, развивающимся, составляя в своей совокупности единую языковую систему.

Общий взгляд на категорию падежа не выработан и советскими языковедами. Так, если Г. Н. Прокофьев, а вслед за ним и Е. Д. Прокофьева выделяли в селькупском языке девять падежей, то у последующих исследователей наблюдается тенденция к более дробному делению падежных

¹⁴ См. библиографию в статьях: П. Я. Скорик, Итоги и задачи исследования в области палеоазиатских и самодийских языков, сб. «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках», Л., 1974; Н. М. Терещенко, Склонение в самодийских языках, там же.

¹⁵ См., например: В. Collinder, Comparative grammar of the Uralic languages, Uppsala, 1960; P. Hajdú, The Samoyed peoples and languages, Bloomington, 1963; его же, Morphologische Beiträge zur Kenntnis der samojedischen Sprachen, Berlin, 1965; его же, Chrestomathia Samoiedica, Budapest, 1968; A. Jokki, Über das Element *n* in der samojedischen Deklination, Helsinki, 1971.

¹⁶ J. N.-Sebestyén, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, AL, VII, fasc. 1—2, Budapest, 1957; fasc. 3—4, 1958; его же, Zum Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs, «Commentationes fenno-ugricae», Helsinki, 1962. См. отклики на эти статьи: Н. М. Терещенко, О выражении посессивных отношений в самодийских языках, М.—Л., 1962; ее же, К развитию атрибутивных отношений в самодийских языках, Ижевск, 1967; А. Кюниапи, К проблеме камасинского генитива, СФУ, 1970, 2.

форм (вплоть до 14)¹⁷. В падежную парадигму гнасанского языка некоторыми языковедами вводится особый лишительный падеж, формы которого, с нашей точки зрения, закономерно рассматривались как аналитические конструкции со значением необладания. Из других спорных вопросов назовем: образование формы вин. падежа мн. числа в ненецком языке, восстановление некоторых падежных праформ самодийского языка-основы и др.

Нуждается в дальнейшем детальном изучении ряд грамматических категорий глагола, в том числе вопрос о залогах, о выражении видо-временных отношений. Едва ли правильно, например, считать, что спряжение в самодийских языках является лишь парадигмой глагольных имен, оформленных личными глагольными суффиксами¹⁸. В тех случаях, когда именные и глагольные основы однотипны по своему строению, парадигма служит целям как словоизменения, так и словообразования — при ее посредстве осуществляется отнесение слова к той или иной части речи. При решении подобных вопросов необходимо разграничивать прошлое и современное состояния языка. В этой связи следует подчеркнуть, что проблемы исторической морфологии ждуют специального исследования. Необходима также теоретическая разработка ряда проблем синтаксиса.

Морфологическая структура самодийских языков чрезвычайно сложна, их синтаксический строй во многих отношениях весьма своеобразен. Вполне естественно, что на первых порах изучения приходится ограничиваться выявлением основных структурных особенностей. Только при дальнейшем развитии координированности в исследовательской работе удастся достигнуть общего понимания спорных вопросов, в частности, определить место самодийских языков в уральской языковой семье и отношения их к уральскому праязыку. Для решения этих спорных проблем планомерное изучение самодийских языков должно теснейшим образом сочетаться с изучением языков других групп, в первую очередь финно-угорских и палеоазиатских. При этом задачи дальнейшего исследования определяют задачи уралистики в целом.

Лексикографическая работа в области самодийских языков была начата еще в довоенные годы. Помимо постатейных словариков к учебникам и книгам для чтения, была заложена основа для составления «Русско-ненецкого словаря», который и вышел под общей редакцией акад. И. И. Мещанинова (М., 1948). Словарь этот насчитывает около 15 000 слов и снабжен «Кратким грамматическим очерком ненецкого языка». Работа в указанном направлении продолжалась и в последующие годы. Наиболее крупным из имеющихся изданий является «Ненецко-русский словарь» с приложением краткого грамматического очерка (около 22 000 слов, М., 1965). Хотя и этот словарь не отражает всего богатства словарного состава ненецкого языка, он дает тем не менее довольно ясное представление о лексическом своеобразии: многозначность слов, чрезвычайная детализация той лексики, которая связана с непосредственной трудовой деятельностью ненецкого населения и его тундровым бытом; употребление в ряде случаев для обозначения одного и того же явления, действия, состояния различных слов в зависимости от того, применяются ли они к человеку, животному или предмету и др. Показан также процесс развития от основ-

¹⁷ Ср.: Е. Д. Прокофьева, Селькупский язык, «Языки народов СССР», III, М., 1966, стр. 400; А. И. Кузьмина, К вопросу о склонении в селькупском языке, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г.», Томск, 1969; A. D u l s o h n, Gemeinsame Kasusendungen in den samojedischen und jenisseischen Sprachen, «Congressus tertius internationalis finno-ugristarum», 1970, стр. 175.

¹⁸ J. N.-Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation, «Finno-ugrische Forschungen», XXXVIII, 1970.

ных значений слов к переносным, в известной мере представлена фразеология и идиоматика¹⁹.

Что касается других самодийских языков, то ведущая лексикографическая работа значительно отстает от возможностей публикации. Так, без движения лежит пока еще не обработанная обширная картотека селькупского словаря в Томском ГПИ²⁰. Ожидают дальнейшей обработки подготовленные еще до войны Г. Н. Прокофьевым материалы к сравнительному словарю самодийских языков. Несомненно большой научный интерес представляла бы публикация нганасанско-русского словаря, материал для которого собирался в последние годы в районах расселения обеих групп нганасанов (авамских и хатангских), и энецко-русского словаря, материал для которого собран частично.

Логическим завершением этой работы должен явиться сравнительный словарь самодийских языков²¹, который надлежит создать коллективными усилиями ряда специалистов на основе тщательного уточнения в полевых условиях ранее собранных в этих целях и зафиксированных позднее материалов современных языков, а также их наиболее характерных диалектных подразделений в сопоставлении с имеющимися в литературе словарными записями по самодийским языкам Саянского нагорья.

Лексикографическая работа теснейшим образом связана с лексикологическими исследованиями. До последнего времени производилось лексикологическое обследование только ненецкого языка. Охарактеризован словарный состав этого языка и его отличительные особенности; изучались пути обогащения лексики, вопросы терминологии, связанной с производственной деятельностью, бытом, социальной организацией, а также выявление специфических отличий лексики ненецкого языка от лексики русского языка и др. Пока лишь в кратком виде с далеко не исчерпывающей полнотой представлены некоторые данные по сравнительному изучению лексики самодийских языков. Лексический состав других языков этой группы ожидает своего изучения.

Особый раздел исследований в области лексики составляет проблема лексических заимствований. В своем историческом развитии самодийские народности контактировали со многими народами, которые оставили более или менее заметные следы в их языках, прежде всего — в лексическом составе. В зарубежной литературе по уралоистике таким вопросам уделяется довольно большое внимание²². В советской литературе показаны главным образом русское языковое влияние на ненецкий и нганасанский языки, а также наиболее характерные способы адаптации заимствованных слов²³. Рассматривалось взаимодействие на уровне лексики ненецкого языка и языков ближайших соседей (например, ненцев Ямальского полуострова и ханты). Предстоит выявить различные пласты лексики в само-

¹⁹ См. также: Н. М. Терещенко, Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией. АДД, Л., 1967.

²⁰ На основании опубликованных работ Г. Н. Прокофьева и Е. Д. Прокофьевой составлен селькупский словарь: J. E r d é l y i, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest, 1969.

²¹ В настоящее время из опубликованных работ этого рода можно указать лишь самодийский раздел в этимологическом словаре Б. Коллиндера (B. Collinder, Fenno-Ugric vocabulary, Stockholm — Uppsala, 1955).

²² См., например: A. J o k i, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki, 1952.

²³ Н. М. Терещенко, О русских влияниях на ненецкий язык, «Уч. зап. [ЛГУ]», 157, 1953; е е ж е, Влияние русского языка на язык нганасанов, «Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 250-летию Академии наук СССР», Петрозаводск, 1974.

дийских языках, различающиеся по своему происхождению, характеру, количеству, а также изучить эту лексику в историко-этимологическом аспекте. Исследования этого рода несомненно представят значительный интерес для сравнительно-исторической уралоистики.

В области ономастики получены и опубликованы некоторые данные по отдельным районам расселения ненцев и селькупов, изучена селькупская топонимия²⁴. Обследованы ненецкие и нганасанские антропонимы²⁵, родовые названия ненцев²⁶. Для «Справочника собственных имен народов РСФСР» подготовлена сводка ненецких собственных имен с развернутым предисловием. В помощь картографам составлен список наиболее употребительных апеллятивов и слов, встречающихся в нганасанских географических названиях.

Фразеология и идиоматика самодийских языков изучались еще очень мало — практически исследование этих вопросов начато на ненецком языковом материале. Так, в «Ненецко-русский словарь» включен ряд фразеологических выражений и идиоматических оборотов с соответствующей расшифровкой. Изучению фразеологии самодийских языков в сопоставительном плане посвящена одна только статья²⁷.

В настоящее время на первый план выдвигается максимально полный сбор фразеологического и идиоматического материала самодийских языков, его классификация и квалифицированный перевод. К этой работе желательно широко привлечь носителей языка из числа национальной интеллигенции.

Сравнительное изучение самодийских языков только начинает развлекаться. В сравнительном аспекте исследован синтаксис этих языков²⁸. Описана система формантов камасинского склонения с обобщающими сопоставлениями и экскурсами генетического характера²⁹. В ряде статей рассматриваются вопросы сравнительно-типологического изучения лексики, фонетики, грамматики этих языков³⁰. Такого рода работы в совокупности явятся надежным основанием для последующих исследований сравнительного плана. Без углубления сравнительного изучения самодийских языков невозможна будет широкая постановка проблем сравнительно-исторической уралоистики.

Развертывание сравнительно-исторических исследований по самодийским языкам подразумевает хорошо поставленное изучение их фонетики. Работа в названном направлении велась первыми исследователями этих языков и продолжается в настоящее время. В частности, описана звуковая система и основные фонетические процессы одного из говоров селькупского языка³¹, между тем, как отдельные территориальные единицы,

²⁴ Э. Г. Беккер, Селькупские топонимы Западной Сибири. АКД, Томск, 1965.

²⁵ Н. М. Терещенко, Собственные имена людей у ненцев, «Вопросы финно-угорского языкознания», М., 1966; е е же, Собственные имена людей у нганасанов, «Этногенез народов Северной Азии», Новосибирск, 1969.

²⁶ N. M. Terescsenkó, A nyenyec nemzetségnevekről, «Névtudományi vizsgálatok a magyar nyelvudományi társaság névtudományi konferenciáján», Budapest, 1960.

²⁷ Н. М. Терещенко, Фразеологизм и слово в самодийских языках, «Труды Самаркандского гос. ун-та», Нов. серия, 178, 1970.

²⁸ Н. М. Терещенко, Синтаксис самодийских языков, Л., 1973.

²⁹ A. K ü n n a r, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I — Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki, 1971.

³⁰ Н. М. Терещенко, К сравнительному изучению лексики самодийских языков, СФУ, 1971, 4; е е же, Обоснования исконого родства языков самодийской группы (тематический сборник Томского ГПИ, в печати); е е же, Грамматические категории глагола в самодийских языках, «Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения 1973 г.). Тезисы докладов», М., 1973; е е же, Склонение в самодийских языках, сб. «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках».

³¹ Ю. А. Морев, Звуковой строй средне-обского (ласкинского) говора селькупского языка. АКД, Новосибирск, 1973.

обозначаемые в их совокупности термином селькупский язык, фонетически пока еще не обследовались; эта работа является первой и притом удачной попыткой экспериментального исследования. Близка к завершению кандидатская диссертация по сопоставительному изучению фонетики лесного и тундрового наречий ненецкого языка (Я. Н. Попова, Новосибирск)³².

По ряду вопросов из области фонетики у ученых нет единого мнения. Не всеми зарубежными исследователями признается тот состав фонем ненецкого и энецкого языков, который установлен в послевоенные годы в результате уточнения сделанного ранее. Так, венгерский ученый П. Хайду (в противоположность мнению Б. Коллиндера, Д. Дечи, Э. Ристонен, Н. Микола) отрицает наличие двух гортанных смычных фонем в обоих языках — назализованной и неназализованной (или: носовой и ротовой). Между тем эти две фонемы, имеющие смыслоразличительный характер, во многом определяют своеобразие лексики и грамматического строя названных языков. Имеются некоторые расхождения в установлении состава фонем нганасанского и энецкого языков и среди советских языковедов. В частности, в записях нганасанских текстов не обозначается фонема /ə/, отчетливо противопоставляемая другим гласным фонемам — /а, о, у, ы/. В то же время, по традиции вслед за М. А. Кастреном в звуковом составе нганасанского языка продолжают выделять фонему /ф/, хотя и у авамских и у хатангских нганасанов полностью закрепился переход ее в фонему /х/³³.

Подобные расхождения объясняются отчасти тем, что до последнего времени не проводилось экспериментального исследования звукового состава самодийских языков. Можно рассчитывать, что в недалеком будущем этот недостаток будет восполнен — в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФФ СО АН СССР под руководством В. М. Наделева начато исследование фонетики энецкого языка и предполагается организовать изучение нганасанской фонетики. Экспериментальное обследование фонемного состава самодийских языков поможет уточнить и выявленные ряды закономерных звуковых соответствий, которые необходимы для обоснованного подтверждения сравнительных и сопоставительных языковых параллелей.

Одной из неотложных задач, стоящих перед исследователями самодийских языков, является унификация транскрипции. Усилиями финно-угроведов, представителей различных стран, выработана единая финно-угорская транскрипция на латинизированной основе для разных подгрупп уральских языков, в том числе и для самодийской языковой группы. Однако типографские возможности, особенно на периферии, затрудняют ее использование. Кроме того, в разных исследовательских группах сложились свои традиции. В силу отмеченных причин те же звуки обозначаются разными исследователями неодинаково; не единообразны и применяющиеся диакритические значки. Все это затрудняет пользование работами, изданными на разной транскрипционной основе, между тем общими сила-

³² Детальному изучению лесного наречия ненецкого языка придается большое значение, поскольку, по мнению М. А. Кастрена, лесные пенцы «... представляют собой переходное звено, связующее самоедов, кочующих на Севере у Ледовитого океана, с южными алтайцами» (М. А. C a s t r é n, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Pb., 1856, стр. 67; под алтайцами М. А. Кастрен понимал в этом случае саянских самодийцев).

³³ Постепенность этого перехода зафиксирована в литературе. Еще М. А. Кастрен указывал на особенность артикуляции звука *f* — колебание его между губно-губным *f* и *h* (М. А. C a s t r é n, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Pb., 1854). См. также: Г. Н. П р о к о ф ъ в, Нганасанский (тавгийский) диалект, «Языки и письменность народов Севера», ч. 1, М.—Л., 1937, стр. 55.

ми вполне возможно добиться большего единообразия в передаче языкового материала. Помимо собственно фонетической, необходима и единообразная фонологическая транскрипция на основе русской системы графики для всех языков самодийской группы. С использованием фонологического принципа строится письменность на ненецком языке (как и на языках других малых народностей Крайнего Севера СССР).

К числу первоочередных проблем относится планомерная квалифицированная запись произведений устного народного творчества. Фольклор самодийских народностей очень богат и во многих отношениях оригинален. Язык фольклора отличается рядом черт от разговорного языка, сохраняя в определенных случаях формы, не свойственные обыденной речи, в том числе архаические. Для языка фольклора характерна фиксация отдельных оборотов, связанных с традиционным описанием обычаев (например, устойчивые формулы сватовства), готовые трафареты для обозначения силы, мужества, женской красоты, природных явлений, определенных условностей, или иносказательность некоторых высказываний. Поэтому язык фольклора требует специального изучения, особенно в связи с различными жанрами, а также в связи с тем, что язык устного народного творчества оказывает исключительно большое влияние на формирующуюся художественную литературу.

Подготовка методических пособий для учителей неизбежно предполагает необходимость изучения фонетики, лексики и грамматики языка ненцев в сопоставлении с русским языком. Первый опыт сопоставительной грамматики ненецкого и русского языков был осуществлен в виде учебного пособия³⁴. Таким образом, задачи собственно научного исследования тесно увязываются с научно-практическими задачами по развитию письменности. Для улучшения преподавания и успешного приобщения самодийских народностей к русскому языку, а через него к социалистической культуре, необходима интенсификация сопоставительного изучения не только ненецкого, но и других языков этой группы с русским.

Итак, в настоящее время основной задачей является хорошо организованная координация исследований всех самодийских языков и диалектов, расширение и углубление всестороннего научного их изучения. Необходимы специальные работы по диалектологии, фонетике, морфологии, синтаксису, лексике и фразеологии, топонимии, создание полных словарей каждого из самодийских языков, в том числе сравнительного словаря всех этих языков, развертывание сравнительных и сопоставительных исследований, квалифицированная запись и публикация текстов, в особенности на иганасанском и энецком языках. Все указанное многообразие аспектов исследования по существу группируется вокруг основной проблематики — «Родство и взаимодействие самодийских языков и их взаимосвязи с языками соседних народов». Только общими усилиями всех исследователей самодийских языков можно добиться углубленного и всестороннего изучения этих языков и тем самым обеспечить приоритет советских языковедов в этой отрасли лингвистической науки.

³⁴ Н. М. Терещенко, В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык, Л., 1959.